

поскольку отсутствует система коллизионных норм во внутреннем законодательстве. Преодолеть данные проблемы можно было бы путем принятия Закона о международном частном праве (МЧП), как это было сделано рядом бывших советских республик: Азербайджан, Грузия и т. д.

В действительности, речь идет не только об императивных элементах МЧП как такового, но и об императивных элементах материального права, которые следует применять, используя инструменты МЧП. Поэтому на первом плане стоят прежде всего элементы внутреннего материального права, которые считаются совершенно необходимыми.

Невключение коллизионных норм в существующие нормативные правовые акты Туркменистана становится все более неубедительным как в попытках обоснования, так и отнесения общественных отношений с участием иностранцев к сфере действия МЧП.

Отсутствие во внутреннем законодательстве Туркменистана норм, направленных на преодоление коллизий, осложненных иностранным элементом, в свою очередь, сказывается и на судебной практике.

Здесь возникают вопросы определения границ между международным частным и международным публичным правом.

Таким образом, на данный момент национальное законодательство Туркменистана не содержит норм, позволяющих урегулировать ряд общественных отношений, осложненных иностранным элементом. Более того, в законодательстве Туркменистана не урегулирован вопрос применения общих положений МЧП к общественным отношениям, осложненным иностранным элементом. Это, в свою очередь, приводит к проблемам правоприменения, а в частности суда при разрешении спора, осложненного иностранным элементом. Ясность в данный вопрос может внести только закрепление специальных коллизионных привязок для международных частноправовых отношений в туркменском законодательстве во избежание правовых казусов.

Розсудовский Е. С.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ

Розсудовский Егор Сергеевич, студент 4 курса Минского инновационного университета, г. Минск, Беларусь, yegor.rozsudovskij@gmail.com

Научный руководитель: ст. преподаватель Бруй М. Г.

7 января 2012 г. принят Закон Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» № 341-З (далее – Закон № 341-З). Статья 3 указанного закона относит к одному из видов вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) искусственную инсеминацию (далее – ИИ), представляющую собой метод лечения бесплодия, который заключается во

введении в полость матки предварительно подготовленной спермы супруга или донора с целью наступления беременности. На официальном Интернет-ресурсе белорусского Центра семейного здоровья БИНА указано, что результативность внутриматочной инсеминации составляет 15–17 %, порой может достигать 27 %. В свою очередь на официальном Интернет-ресурсе Медицинского центра ЛОДЭ приведена другая статистика, а именно, что эффективность (вероятность) оплодотворения и наступления беременности у пациента в результате ИИ составляет 25 %.

Установление происхождения детей, родившихся в результате применения ВРТ, определяется в ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС). Статья 52 КоБС, регулирующая вопросы установления происхождения детей, родившихся в результате применения ВРТ, гласит, что лица, явившиеся донорами половых клеток, которые использовались при применении ВРТ, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, родившегося в результате применения ВРТ. В данной норме следует сделать акцент на том, что речь не идет непосредственно о донорах, в том числе и о донорах сперматозоидов, используемых в дальнейшем при осуществлении ИИ. В свою очередь ст. 57 КоБС регламентирует общие правила установления отцовства в судебном порядке. Часть 3 ст. 57 КоБС гласит, что установление отцовства в судебном порядке может также производиться по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия.

В соответствии со ст. 9 № 341-3 донор по отношению к пациенту может быть анонимным и неанонимным. Неанонимным донором, в соответствии с ч. 5 ст. 9 Закона № 341-3, может быть только родственник пациента (в отношении пациентки – ее родственник женского пола, в отношении пациента – его родственник мужского пола). В ст. 1 Закона № 341-3 определяется понятие родственника – лица, находящиеся в кровном родстве, имеющие общих предков до прадеда и прабабки включительно. В свою очередь ч. 1 ст. 52 Закона № 341-3 гласит, что супруг, давший в установленном порядке согласие на применение ВРТ в отношении своей супруги, не вправе оспаривать отцовство; далее ч. 3 ст. 52 Закона № 341-3 аналогично устанавливает, что мать ребенка, родившегося в результате применения ВРТ, не вправе предъявлять иск к мужчине-донору. Поскольку ч. 3 ст. 57 КоБС не исключает установления отцовства в судебном порядке по заявлению самого ребенка по достижении им совершеннолетия, то в случае такого установления также возникает «юридическая недосказанность».

В случае анонимного донорства, невозможно исключать незаконное распространение информации, которая содержит медицинскую тайну о личности донора, как и невозможно исключать иной жизненной ситуации (например, сильное внешнее сходство). Незаконное распространение информации, содержащей медицинскую тайну о донорах и установление отцовства в судебном порядке по заявлению самого ребенка по достижении им

совершеннолетия, в соответствии с ч. 3 ст. 57 КоБС влечет юридические последствия, например, наследование имущества в соответствии со ст. 1057 Гражданского кодекса Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного предлагаем дополнить ч. 3 ст. 57 КоБС, которая в настоящее время не содержит положения о невозможности установления отцовства в судебном порядке по заявлению совершеннолетнего ребенка, который был рожден в результате применения ВРТ. Предлагаем ч. 3 ст. 57 КоБС изложить следующим образом: «Установление отцовства в судебном порядке производится по заявлению одного из родителей или опекуна, попечителя ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия, за исключением ребенка, рожденного в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий».

Савельев О. Н.

ПРИМЕНЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Савельев Олег Николаевич, магистрант 3 курса Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, sawelewokbmel@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Федоров А. Г.

В настоящее время в России существует проблема применения гражданского законодательства в регулировании трудовых и непосредственно связанных с ними отношений. В связи с этим у работодателя возникает вопрос о возможности оформления соглашений с работником, которые не вписываются в трудовой договор. Можно ли урегулировать такие отношения одновременно и трудовым договором, и гражданским законодательством на взаимоисключающей основе? Подобная ситуация нередко возникает в юридической практике. Очевидно, по этой причине с января 2014 г. Трудовой кодекс Российской Федерации дополнен ст. 15, которая устанавливает, что заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается.

Работодатель вправе заключать гражданско-правовые договоры со своими работниками (на оказание услуг или по договору подряда), которые уже работают по трудовому договору, что не будет являться нарушением законодательства о труде, однако отношения сторон по данным договорам не могут носить характера трудовых.

Многогранность ситуаций в области применения гражданского законодательства в регулировании трудовых и непосредственно связанных с ними отношений влечет за собой массу нюансов в рассмотрении подобных дел в судах Российской Федерации и, как следствие, порождает различия в принимаемых решениях.